

Геннадий Владимирович ДРАЧ / Gennady DRACH

| Социальная креативность культуры / Social creativity of culture |

Геннадий Владимирович ДРАЧ / Gennady DRACH

*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
Профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики**Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
Department of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics
Doctor of Philosophical Sciences, Professor
gendrach@mail.ru*

СОЦИАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ КУЛЬТУРЫ

SOCIAL CREATIVITY OF CULTURE

В статье рассматривается вопрос о культуре как источнике и основании социального своеобразия и путей исторического развития. Креативность культуры реализуется в том, что она кумулирует, транслирует и обновляет социальный опыт в системе деятельностных технологий и смысложизненных рефлексий. Обращение к культурной модели, сформировавшейся в Древней Греции, позволяет автору охарактеризовать парадигму инновационного развития и «принудительного социального творчества». Воспроизводит ли современный мир культурное многообразие или же ведёт к социальной энтропии и борьбе за выживание традиционных культур и цивилизаций? Автор обосновывает теоретические преимущества понятия «социокода», введённого М. К. Петровым. Показано, что стремления к победе и успеху, характерные для европейской агональной личности, опираются на некоторые культурные образцы и ценности (рационализм, индивидуализм, самореализация), что неизбежно приводит к столкновению с другими типами социокультурных ориентаций, характерных для традиционных культур.

Ключевые слова: креативность, культура, типология, социальность, самосознание, личность, социокод, разум, наука, образование, агонистика, слава, рационализм, индивидуализм, свобода, модернизация.

Does the global world reproduce cultural diversity or does it rather lead to social entropy, condemning the traditional cultures to a bitter struggle for survival? The article discusses creativity as a driving force behind both socio-cultural diversity and various ways of historical development. That is, creativity is realized in technologies which culminate and renew our social experiences, and in a multitude of our reflections on the meaning of life. By addressing the cultural model of the Ancient Greece one can outline the paradigm of the innovative development and “compulsory social creativity”. The article argues that using the theoretical advantages of the “social code” introduced by M. K. Petrov it is possible to show that the aspirations to victory and success, which are so characteristic for the agonistic European personality, are rooted in the certain cultural patterns and values: rationalism, individualism, self-realization. These patterns and values inevitably come into collision with the value systems of the traditional cultures.

Key words: creativity, culture, typology, sociality, self-consciousness, personality, social code, reason, science, education, agonism, glory, rationalism, individualism, freedom, modernization.

Геннадий Владимирович ДРАЧ/ Gennady DRACH

| Социальная креативность культуры / Social creativity of culture |

Креативность, то есть способность к творчеству, разве что-нибудь ещё может так ярко и выразительно характеризовать культуру? Кажется бы тема лежит на поверхности. Но «креативность» в самых первых своих значениях – это создание, акт творения и обращение к началам. Всякий, кто обращается к проблеме креативности, мыслит в категориях «вечности» и «начала»¹. Креативные начала культуры (её истоки, основы и способы получения знания), творчество и репродукция – вот открывающаяся тема, которая ещё более выигрышна в плане социальной креативности. Воспроизводит ли культура свои начала, и если да, то как же обновляется мир: путём утраты культурного многообразия и социальной энтропии или борьбы и выживания отдельных культур и цивилизаций? По этому вопросу уже предлагались оценки ситуации (столкновение цивилизаций – Хантингтон) и выдвигались долгосрочные прогнозы (конец истории – Фукуяма). Что же такое креативность в плане культурологии, как не жизненная сила, способность народа – носителя культуры ответить на вызовы времени? Но здесь нас и поджидают трудности: кто является носителем культуры, какие культуры наиболее креативны, а значит и жизнеспособны?

1. Типология культуры.

Пространство, в котором проявляется креативность культуры топологично и типологично, второе включает в себя первое. Типология культуры – учение о видовых отличиях культур, основных типах мировой культуры. При этом надо учитывать как возможное многообразие определений культуры, так и различие критериев, по которым происходит типологизация культур. Прежде всего сложившаяся в культурологии ситуация позволяет при помощи термина «культура» фиксировать как общее отличие человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни, так и качественное своеобразие исторически конкретных форм этой

деятельности на различных этапах общественного развития. Речь в этом случае идёт о внебиологических формах передачи информации, характеризующих культуру как способ сохранения, трансляции и обновления социального опыта. Проблема состоит в том, что эти способы и механизмы сугубо личностны, бытийственны, они представляют собой способ самопознания и самообретения человеком самого себя и продуцирования социума в его предметных формах и социальных институтах. Культура делает возможным взаимодействия человека с природой, она кумулирует и транслирует социальный опыт в системе деятельностных технологий и смысложизненных рефлексий.

Культура – это целостная уникальная система, и в этом плане в историческом и географическом пространстве сосуществовали и сосуществуют удивительно разнообразные и неповторимые миры, которые и придают неповторимость культурному облику народов, стран и континентов. Это культурное многообразие, уникальность и неповторимость создают предпосылки для соотнесения различных человеческих обществ, при этом само такое соотнесение не может быть их чисто умозрительным сопоставлением, ведь мировые культуры в том виде, в каком мы можем их сегодня наблюдать и изучать, представляют собой продукт длительного исторического развития, в котором они трансформировались, модифицировались и как изменяли внутреннюю структуру, так и оказывали влияние друг на друга, что и позволяет говорить об общих и об индивидуальных чертах культурно-исторического развития. И всё-таки культура прежде всего – мощный механизм антропологического воздействия, адаптации индивида к социальным потребностям общества, это способы индивидуальной реализации накопленного этнического и национального опыта. В этом смысле культура коренится в глубинах общеродового уровня, и сохранение культуры представляет собой репродукцию её уникальности и неповторимости со всеми тра-

¹ Erhardt A. The Beginning. Manchester, 1968. p. 9.

Геннадий Владимирович ДРАЧ/ Gennady DRACH

| Социальная креативность культуры / Social creativity of culture |

дициями, навыками, национальными образами и духовным опытом. В этом случае и возникает вопрос, как об этом справедливо пишет Э.С. Маркарян, о локальности культур, об их индивидуальном, неповторимом своеобразии. Справедливо и то, что вопрос рассматривается им в плоскости соотношения общих и локальных исторических типов культуры, что и переносит проблему в область эволюционной компаративистики (сравнительного изучения культур)².

В этом случае принципы типологии относятся к рассмотрению культуры как самостоятельной целостности, которая воспроизводится на протяжении длительного исторического периода. Но главное, в соответствии со сказанным – это соотношение творчества и репродукции, что и лежит в основе обновления социального опыта и типологии культуры. Мы не можем игнорировать исторические особенности в развитии той или иной культуры, её окружение и взаимодействия, но внимание при этом акцентируется на внутренних принципах существования культуры как целостности. Это прежде всего сохранение культуры как отношений, которые сложились в обществе, как нормы и образцов поведения, освящённых традицией и обязательных для представителей данного общества и различных его социальных слоёв. Тип культуры характеризует механизм передачи социального опыта через освоение каждым поколением не только предметного мира, навыков и приёмов технологического отношения к природе, но и культурных ценностей, образцов поведения. При этом внутренняя структура культуры характеризуется как в типе социальной организации, когда технологический и экономический уровни развития культуры представлены её социальными носителями (группами, классами, организациями), так и в типе личности. На этом уровне интегрирующая роль культуры такова, что она формирует единую систему художественных и познавательных ценностей и глубже – социальных установок и предпочтений и образцов

поведения, фокусирующихся в историческом типе личности и соответствующих нормах и образцах социального творчества.

Проблема, конечно, остаётся: преодолевается ли в историческом развитии локальность отдельных культур и в какой степени структурный срез отдельных культур позволяет говорить о том, что эта локальность преодолена? Можно ли сказать о едином пути исторического развития и универсальных механизмах социального творчества? На наших глазах культуры Востока, которые считались самодостаточными и замкнутыми, обеспечили их странам технологический прорыв, развитие городской цивилизации со всеми признаками урбанизма и показателями современного общественного развития, включая развитие науки, образования, здравоохранения и социального обеспечения. Но даёт ли это основания для утверждений о единой общечеловеческой культуре, где, если не в конце культурного ряда, то на периферии (центром, естественно, видят, Европу), пытаются поместить Россию. Действительно, история мировой культуры, рисуя образ единого человечества, соответствует пафосу возрождения интереса к гуманитарным общечеловеческим ценностям. Череду верований, художественных шедевров, философских идей, научных открытий, обычаев свободно komponуется вдоль хронологической оси без противопоставления архаического и современного, передового и реакционного, развитого и отсталого, без перегородок общественно-экономических формаций и социально-политических различий.

Менее всего в этом случае тип культуры как теоретическое понятие должен абсолютизировать исторические различия. Зачастую, как, например, в концепции Шпенглера о «душе культуры», они абсолютизировались, и тогда речь шла о различных типах культур, которые исторически не изменялись и лишь сосуществовали рядом друг с другом, оставаясь непроницаемыми одна для другой. Шпенглер говорил о 8 равноценных по зрелости культурах, охватывающих основные части планеты: Европу, Азию, Африку, Латинскую Аме-

² Маркарян Э. С. Науки о культуре и императивы эпохи. - М., 2000. - С. 61-68.

Геннадий Владимирович ДРАЧ/ Gennady DRACH

| Социальная креативность культуры / Social creativity of culture |

рику. В то же время при осмыслении путей исторического развития Европы перед исследователями возникала проблема его соотнесения и сопоставления с историческим развитием других стран и культур, с которыми Европа соседствовала и взаимодействовала. В этом случае культура рассматривается изнутри, как самозначащее образование, и её сердцевинной выступает человек как базовая ценность. Тип культуры в этом случае находится на пересечении амбивалентных устремлений общества: сохранить историческое своеобразие, этический и эстетический потенциал и влиться во всепланетарное и всевременное единство человечества. Тип культуры фиксируется в этом случае как историческая разновидность традиционных ценностей, равноудалённый как от чрезмерного самовыражения, так и от казённой практики социальной универсализации, он должен показать пространство для соединения традиционных норм и обычаев и компонентов творчества, осовременивания культуры в способах трансляции социального опыта.

Но где кроются источники и импульсы культурного творчества, кто является носителем модернизационного импульса и непрерывной (избыточной) креативности? О чём речь – о глубинных основах культуры или особенностях исторического развития? Если говорить о носителях креативного начала в культуре, то исторически в первую очередь, это страны Востока. Как известно, древний Китай изобрёл порох, компас, бумагу, шёлк и многое другое, но он не знал идеи колонизации мира и мирового господства. Мусульманский Восток был предметом воцелений и зависти средневековой Европы, в то время культурно отсталой. Можно ли говорить о едином пути исторического развития для всех культур и народов? В этом контексте часто поднимаемый вопрос о том, является ли Россия Европой или нет, бессмыслен. Войны, эпидемии, религиозные движения и социальные революции, города и торговля – всё это надо было пережить, всему этому, как и последующему промышленному развитию и обществу потребления, надо было знать подлинную цену, что-

бы считать себя Европой. Ведь сама Европа – это нечто состоявшееся, нечто продуцирующее само себя, принадлежать к которому можно зафиксировать лишь по факту действия, а не причастности или желания.

Здесь необходимо осознание своего отличия от всего мира, которое уже очень остро осознавали древние греки – первые европейцы. Проблеме Восток-Запад должны были уделять исследователи, рассматривавшие мировое историческое развитие в плане эволюционного монизма, т.е. встраивавшие все страны в единую схему исторического движения на пути от низших, неразвитых, к высшим, развитым формам. Гегель, в частности, относил восточный мир (Китай, Индия, Персия, Египет) к самой низшей ступени развития духа в осознании свободы, в то время как греческий, римский и германские миры возвышались над ним. Однако современные исследователи отмечают, что понятия «Восток» и «Запад» не получили научного статуса в культурологии и могут употребляться весьма условно. Ведь даже в географическом плане они не охватывают всю ойкумену, и деление на Восток и Запад у разных народов истолковывается по-разному. Нам, выросшим в европейских традициях, более всего понятно противопоставление, начало которому положили древние греки (Древний Запад), столкнувшись с Древним Востоком – персами и изумившись величественности и стабильности культуры Древнего Египта. Кроме того, в современном мире нет былого противопоставления Востока и Запада по научным, культурным и правовым основаниям: современная Япония, Южная Корея и ряд других стран Тихоокеанского региона относятся к числу современных развитых стран. Другое дело, что их пути были разными и к современному состоянию культуры они пришли по-разному.

Только Европа создала современную науку с её техническими достижениями и мощным индустриальным базисом высокого уровня потребления. Восточные страны «усвоили» научный опыт, произошла «трансплантация» (пересадка) науки в иную культурную среду, и там, где национальная

Геннадий Владимирович ДРАЧ/ Gennady DRACH

| Социальная креативность культуры / Social creativity of culture |

культура показала свою жизнеспособность, наука была адаптирована и вошла в систему образования и производства. Речь идет об особом пространстве сопряжения событий и смыслов, людей, которые руководствуются этими смыслами, и смыслов, которые, сопрягаясь, создают тип культуры. Смысловое пространство культуры рождает стереотипы поведения, задает алгоритмы деятельности и продуцирует события и способы их реализации. Обычно при анализе культурных и политических контактов ссылаются на «глубокие исторические корни», различие традиций и т. д., в то же время различие культур, их генезиса наиболее отчетливо проявляется в пространстве соприкосновения культур, тех значений и смыслов, которые, выступают основанием мира личности и общества, где вызревают и наследуются культурные стереотипы, происходит взаимопроникновение культуры и личности, культуры и общества. Вхождение индивида в культуру, функционирование и развитие культуры происходит путем культурного наследования и устойчивости, целостность которого иногда трактуют как «код» культурного развития, что позволяет «разомкнуть» культурные миры, «загадочные и непреступные», на рядовых носителей культуры, на мир повседневности. В центре культуры оказывается не безликая масса, а личность как носитель культуры, ее традиций и достижений, ее творческих возможностей. Если конкретизировать положение об антропологическом центре культуры, то это язык, знак, культура, семиотическая реальность и система передачи социального опыта³.

2. Самосознание культуры.

При всём многообразии понятия «культура» и несмотря на это многообразие оно должно выполнять методологическую роль, то есть служить основанием для проведения исследований того или иного типа культуры и социальной сферы культуры. Исходным здесь выступает проводимое рядом авторов различие культуры и социальности. Как справедливо отмечал Л. Г. Ионин, «исчез-

³ Петров М. К. Язык, знак, культура. - М., «Наука», 1991.

ла наивная вера в объективность и предопределённость общественных процессов... культура прогрессирующим образом перенимает функции мотора, двигателя общественного изменения и развития»⁴. Социальное развитие - это не проблема самодвижения, у социума нет самостоятельных импульсов к изменениям, должны быть культурные мотивации, ведь культура открывает пространство человеческих установок, ценностей, моделей поведения и т.д. Вопросу о соотношении культуры и общества Э. С. Маркарян отводил роль методологического принципа. В частности, он писал: «Методологически эффективное определение культуры, составляющее основу специальной теории о ней, должно в качестве исходной предпосылки исследования давать возможность каждому использующему данное понятие без каких либо усилий, по общезначимым признакам отделять объекты культуры от объектов, не относящихся к этому классу явлений»⁵. Принципы деятельностной концепции культуры, принятые и развитые Э. С. Маркаряном и поддержанные в Ростове-на-Дону Ю.А. Ждановым и В.Е. Давидовичем, содержат понимание культуры как «алгоритма человеческой деятельности»⁶. Открытие понятия «культура» позволило увидеть море фактов человеческой истории, прошлого и настоящего, в совершенно ином свете – как способа человеческой деятельности, позволяющей воспроизводить человека как существо общественное, служить основанием социума.

Под культурой понимается прежде всего образ жизни, деятельность в природе и природным же способом, природа – «естественная мастерская» человека (К. Маркс), а географическая среда – материнское лоно культуры. Природное окружение - реки, горы, моря, климат формируют мировосприятие и национальный характер человека. Как далеко простирается это воздействие на социаль-

⁴ Ионин Л. Г. Социология культуры. - М., 1996. с. 5.

⁵ Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. - М., «Мысль», 1983. - С. 85.

⁶ Жданов Ю. А., Давидович В. Е. Сущность культуры. - Ростов-на-Дону: Наука-пресс, 2005.

Геннадий Владимирович ДРАЧ/ Gennady DRACH

| Социальная креативность культуры / Social creativity of culture |

ность, как связаны культура и социальность? Культура продуцирует социальные отношения, институализирует способы и формы взаимоотношений с природой и друг с другом, выводя их за пределы одного поколения. Видимо, проблема в том, что культура прежде всего способ самосознания, самоопределения и самоидентификации. Понятие «культуры» (римское «культура», греческое «пай-дейя» и «фюсис - номос») ознаменовало также историческое начало теоретических рефлексий и образовательной практики, без которых, не было бы современной Европы, как и всей античной культуры. В Древней Греции, которая дала миру разум, в его научной и гуманитарной ипостаси творчество как раз не было оторвано от повседневности. Критерий такого поворота мы найдем в речи Перикла в сложнейший период греко-персидских войн, когда речь шла о судьбе Афин и о необходимости возведения новых укреплений: город (добавим, как и любое социальное образование) – это не стены, а люди. С этого начинался грандиозный креативный проект и Европейская цивилизация. Греки оставили врагам свой город, храмы богов и могилы предков, перевезли женщин и детей на Саламин, дали персам бой и победили. Они увидели свое «сильное звено» – рационально, новаторски мыслящих людей. Средние века перенесли в города, монастыри и университеты не только дух веры, но и разумного обоснования бога (теология). Античная рациональность и мобильность конституировала также новоевропейские и современные города и университеты. Культура проявила себя как универсальное понятие и бытие, включающее человеческую креативность в её фундаментальных ориентациях и отношениях.

И ещё одно обстоятельство – история как самоощущение не есть чистый логос, культурология предполагает крушение панлогизма. Культурный субъект – это не только разум, но и подсознание, система ценностей и ценностные ориентации. Речь идет об особом пространстве сопряжения событий и смыслов и социального действия субъектов, которые руководствуются этими смыслами и

создают тип культуры. Смысловое пространство культуры рождает стереотипы поведения, задает алгоритмы деятельности и продуцирует события и способы их реализации. Обычно при анализе культурных и политических контактов ссылаются на «глубокие исторические корни», различие традиций и т. д., в то же время различие культур, их генезиса наиболее отчетливо проявляется в пространстве соприкосновения культур, тех значений и смыслов, которые, выступают основанием мира личности и общества, где вызревают и наследуются культурные стереотипы, происходит взаимопроникновение культуры и личности, культуры и общества. Вхождение индивида в культуру, функционирование и развитие культуры происходит путем культурного наследования и устойчивости, целостность которого иногда трактуют как «код» культурного развития, что позволяет «разомкнуть» культурные миры, «загадочные и непреступные» на рядовых носителей культуры.

В этом случае обнаруживается методологическое преимущество понятия «социокода», введенное М. К. Петровым⁷. Вся система отношений к миру в истории культуры распределяется в базовые матрицы, которые позволяют транслировать социальный опыт, замыкая его на вводимую в матрицу социальную единицу – тип личности. Самые ранние формы ведения хозяйства – охота предполагала прямое и непосредственное введение человека в социальную матрицу, делая претендента в результате проводимых испытаний (инициаций) наследником социального имени, на которое замыкались жизненно значимые для сообщества навыки и способности «зоркого глаза» или «быстроногого бегуна». Здесь социальные навыки и существующее сообщество не различаются, может лишь по мере роста социальных потребностей расти число имён. В этом обществе есть «детские» и «стариковские» имена. Отчуждение навыков в именную структуру богов закрепляет навыки за божественным именем, что и составляет профессионально-именную матрицу. Боги, вечные и нестареющие – охранители

⁷ Петров М. К. Цит. соч., с. 84-127.

Геннадий Владимирович ДРАЧ/ Gennady DRACH

| Социальная креативность культуры / Social creativity of culture |

знания, которым человек может владеть лишь временно и не вопреки божественной воли. Нет необходимости говорить, что перед нами миф как мировидение, где нормой выступают гилозоизм и персонификация. Образы богов репрезентируют мир во всё его величии и многообразии. Но есть и третий тип социокода – всеобщий, когда выход на профессиональное знание приобретает общий алгоритм, логику, которую может освоить всякий. Это всеобще-именной тип кодирования социально-го опыта. Но все типы социального кодирования предполагают самосознание и самоосуществление индивида, отличаясь друг от друга особенностями производства нового, типом креативности.

Переходя ко всеобщему типу трансляции знания, можно предположить, что тематика «учёный и слаборазвитые страны», «наука Востока и наука Запада» может иметь вводный характер⁸. Но как только мы апеллируем к современной ситуации, мы можем видеть определенный социально-культурный срез. Почему установка на свободу, на самоопределение, на индивидуальную свободу, на индивидуализм, только в одном случае, в древней Греции, приводит к образованию жизнеспособных социальных структур? Видимо, по той простой причине, что здесь впервые начинают действовать новые социо-культурные ориентации. Там, где сохраняются установки просвещения, образования, свободы личности, там происходит переориентация на западный путь развития. Там, где они сталкиваются с той или иной регионально самобытной культурой и действительностью, порождаются проблемы трансплантации науки в инокультурную среду. Эти проблемы сегодня успешно решаются прежде отсталыми странами, глобалистика как переход к западным ценностям вызывает противоречивые реакции, а вот использование науки и технологий при наличии больших трудовых резервов даёт поразительные результаты. Значит серьезнейшая проблема состоит в том, в чем состоят эти традиционные ценности и насколько они совмес-

тимы с развитием науки. Представляется, что мы вновь и вновь возвращаемся к идее М. К. Петрова о двуязычии культуры, которое он иллюстрирует на примере Непала: культурный мир построенный на традициях, на обычаях, на художественном восприятии действительности, гилозоизм и персонификация как обязательные нормы мышления – это мир, знание о котором передают «мудрые люди», в конечном счёте получающие свою мудрость от богов; другой мир, где мы получаем знания из учебника, но эти знания не персонифицированы в фигурах богов, а авторизованы в имени первооткрывателя, где действуют авторство и запрет на плагиат.

История античности дает ответы на современные проблемы. В бассейне Средиземноморья выжили культуры, поглотившие неолитическую мозаику, и в рассмотрении истории мировой культуры европейской (западной) культуре должно быть уделено особое внимание⁹. Однако это делается не для того, чтобы противопоставить Запад Востоку, хотя различия в динамике их исторического развития несомненны. Вопрос состоит в том, чтобы избежать однолинейного понимания культурно-исторического развития, во главе которого стоят страны Европы, а в пыльном хвосте еле просматриваются отсталые страны и народы. Уже давно, и в частности О. Шпенглером, была декларирована равноценность и равнозначность мировых культур. Другое дело, как реализовать эту декларацию в практике историко-культурного построения. В этом случае важно увидеть многообразие, «полифонизм» мировых культур, в своей уникальности создающих собственные цивилизационные миры. На этом фоне становится возможным выявление специфики и уникальности древнезападной (античной) культуры.

Обращаясь к античности, мы видим, что двуязычие культуры там присутствует, но в античности господство мифа было уже преодолено. Многоаспектность перехода от мифа к логосу глу-

⁸ Наука о науке. / Пер. с англ. М. К. Петрова. - М., «Прогресс», 1966. - С. 46-64; 149-177.

⁹ Драч Г. В. Культура и разум: конвергенция или дивергенция? // Вопросы философии. 2003, № 8.

Геннадий Владимирович ДРАЧ/ Gennady DRACH

| Социальная креативность культуры / Social creativity of culture |

боко и оригинально проанализирована в работах Ф.Х. Кессиди¹⁰. Процесс этот длительный, но его итоги видны в работах Аристотеля. Когда мы начинаем читать его «Метафизику», то начинаем понимать, что это не просто построение системы онтологии, а вполне состоявшаяся попытка выйти за пределы прежнего мышления «физиологов», которые использовали метафоры, в то время как Аристотель опирается на логику. Происходило разрушение прежней семиотической системы, где боги Олимпа – это ключ к семиотической системе, на которой строился традиционный мир. А что предполагал логический мир, какие установки и какие ценности он предполагал? У М. К. Петрова яркий ответ содержится в статье «Пираты Эгейского моря и личность»¹¹. Здесь на палубе пентеконтеры (50-ти вёсельного корабля) возникает отчуждение совокупности воли в личность «повелителя», примат слова над делом. Здесь произошло обрушение профессионального типа кодирования. Если в Китае государство регулировало естественные процессы, локализовав внешнюю опасность, то с разрушением критского социального ключа (последней удавшейся талоссократии) и невозможностью локализовать внешнюю опасность (морские набеги) происходит перераспределение функций: формируется новый тип личности воина-пирата-законодателя. Такой пиратский корабль М. К. Петров и рассматривает как «начальную школу творчества – первую творческую лабораторию человечества». Возникает вопрос: не было бы пиратов Эгейского моря, не было бы логики, лишь на палубе пиратского корабля произошел разрыв слова и дела? Идея разрыва слова и дела осознавалась в античности достаточно широко, в частности, Демокритом. Можно сказать, что и у Ксенофана присутствует эта же мысль: не так используют имена, не так используют люди названия. Надо отметить, что и пиратские корабли, и сама ойкумена обшир-

ного греческого мира (Эгейского моря и всего Средиземноморья) развивали такую неординарную, авантюрную личность. Об этом же М. К. Петров говорил и по отношению к Европе. Лишние люди, которые появились в период великих географических открытий, – это те же самые авантюристы, которые создавали античный мир. Европейский мир – это мир, созданный по слову. Для Европы мысль о том, что мир создан по слову Божию, является определяющей и содержит огромный креативный потенциал. А если учитывать, что латынь была тем языком, который служил и религии, и науке, то мы видим, как развивается в этой области потом последующее толкование бытия, обращение к миру, разговор с богом на языке природы. А этот язык, как уже замечал Галилей, язык математики.

Современный мир представляет, с этих позиций, не преодоленное двуязычие культуры: традиционные ценности, традиционные установки со всеми вытекающими социальными реалиями, и с другой стороны язык науки, язык образования. Это два мира. Другое дело, что это не преодоленное двуязычие культур оказывается мощным стимулирующим фактором для выживания таких культур, как, скажем, Китай и Индия. Наука здесь развивается, как и зоны свободной торговли, а с другой стороны сохраняется огромный человеческий материал, где превалирует художественное воображение, традиции, большая патриархальная семья со всеми нравственными установками и нравственным контролем. Древнегреческая культура вошла в современный мир как культура народа, подарившего человечеству науку и философию, литературу и искусство, так что науку некоторые исследователи отождествляют с «мышлением по способу греков». Для того чтобы описать и объяснить «греческое чудо», видимо, следует обратиться к греческой культуре как традиционной в ряду других культур, а затем выявить те особенности, которые выводят её из этого ряда, и тем самым оказаться в центре внутренних проблем (трансформации и стратификации) и внешних (коммуникации). Возвращаясь к

¹⁰ Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. - СПб.: «Алетейя», 2003.

¹¹ Петров М. К. Пираты Эгейского моря и личность. - М., РОССПЭН, 1995. - С. 206-212.

Геннадий Владимирович ДРАЧ/ Gennady DRACH

| Социальная креативность культуры / Social creativity of culture |

идею корабля, надо учитывать, что развивается иная сфера, это сфера писаного закона и правовых отношений, именно в этой сфере полисная личность конституирует свои устремления, установки, именно здесь военные установки героического кодекса, о которых писал Адкинс, превращаются в гражданские¹². Греческий индивидуализм, греческая личностность, они так прямо не переносятся в среду германских племён, где отсутствуют эти культурные типажи культурной креативности. Другое дело, почему в Европе все время пытаются возродить античные ценности? Обращаясь к Греции, мы видим, что все установки - на верховенство закона, на личность, на индивидуальную активность - сопряжены с логическим инструментарием, с теоретической системой обоснования, именно они могут придать культурный импульс социальному обновлению.

3. У истоков европейской культуры.

Итак, античный полис ознаменовал создание новых правил «жизни сообща», новых приемов социального творчества, послуживших толчком к инновационному развитию. Когда мы приходим с грузом этих проблем и с этим теоретическим фундаментом к проблемам греческой культуры, возникает вопрос: откуда пошли эти теоретические установки? Попытаемся обосновывать идею принудительного социального творчества в рамках античного полиса, в которые был поставлен каждый гражданин: равное положение перед законом, превращение закона в теоретическую модель ориентируют на личное достижение. А как можно достигнуть в этой системе призов, когда все распределено? Создаются новые правила игры, это как раз философия (теория), как раз проза, поэзия, это драма, это наука. Но если речь идет о новом антропном состоянии, то чем его можно объяснить? Работы Алвина Гоулднера обосновывают этот подход¹³. Определенные типы культуры: рационализм,

индивидуализм, ничего сверх меры, мужская гомосексуальность – это определенные типы личностных ориентаций, определенный тип культуры, который создаёт систему западного образца, со своим кризисом интимных отношений, разрушением традиционных ценностей и выходом в сферу всеобщего. Тип западной личности и культурные установки западного человека - это прежде всего достижение успеха, победа, автономия. Слово (логос), разум (нус) и свобода (элеветерия) сопрягаются в античной культуре. Европейская культура, как единое целое, как модель и путь культурного развития закладывает фундамент собственного развития на рубеже XII - XI вв. до н. э., вслед за разрушением культур Крита и Микен и началом «темных веков», свидетельствующих о рождении нового культурного стиля, так называемого «геометрического». В период «геометрического» стиля и архаики формируется новая культурная модель, в центре которой находится человек другого типа культуры.

Ядро греческой культуры – это её ценности, которые передаются от поколения к поколению вместе со сказаниями, мифами, обрядами и всей духовной сферой. Система ценностей у греков направлена прежде всего на жизнь здесь и теперь, жизнь, взятую в полноте мира и человека. Поэтому первые ценности такой ориентации – здоровье, молодость, красота. Основной принцип связи системы ценностей – сакрализация – должен постоянно осуществляться. Сакрализация есть основная из характеристик культуры, как другая сторона собственного человеческого достоинства. Главный сакральный объект греков – человек, его личность неповторима и уникальна. Совершился переход от сакрализации внешних объектов к сакрализации субъекта. В центр ценностей поставлены человек, его здоровье и честный труд. Из устремленности к здесь - бытию и сакрализации человеческой личности вырастают новые темы культуры, характерные уже не для монархии, а для греческого городогосударства. Эти темы: «пессимизм», «рационализм» и «ничего сверх меры».

¹² Adkins W.H. Merit and Responsibility. - Oxford. N. Y., 1960.

¹³ Gouldner A. W. Enter Plato: Classical Greece and the Origins of Social Theory. - New York, 1995.

Геннадий Владимирович ДРАЧ/ Gennady DRACH

| Социальная креативность культуры / Social creativity of culture |

Пессимизм связан с потерей основы и ностальгией. Не Зевс теперь печется о людях, они сами строят свою жизнь – вот основной лейтмотив пессимизма. Иллюстрацию этому положению мы находим в поэме Гесиода «Труды и дни». В ней рассказывается о тягчайшей человеческой жизни, трудах, испытаниях, болезнях, бедности. Зевс – уже не центральная фигура; человек сам ответствен за свою жизнь. Греческий рационализм – это возможность прогнозировать события. В процессе десакрализации и эмансипации разума вызревает греческий рационализм как тип культуры и система действий. Он равен прагматизму, рациональному мышлению о своих интересах без обращения к священным инстанциям. Воля богов принимается во внимание как объективное обстоятельство. Но пока живы люди, возможно все сделать, поэтому вещи как ценность значат очень мало. Можно рисковать всем, кроме личности, т.к. все остальное воспроизводится. Выше личности лишь боги и судьба, поэтому сохраниться человеку возможно лишь на пути обретения славы, «вечной славы», «славы до небес». «Ничего сверх меры» – наиболее важное в греческой культуре. Человек разговаривает с собой, со своим сердцем. Это уже рефлексия, умение различать внешнее и внутреннее. И нельзя переводить внутренний план во внешний, эмоциональное состояние в спонтанное действие. Нельзя переступать должной меры, подчиняясь чувствам. Глубокая скрытность неперемное условие успешного замысла, теории. «Коварный замысел» вовсе не унижает героя, а делает его уникальной личностью. Одиссей даже Афина по возвращению на родину, распознав (теоретически) открывшийся остров как Итаку, пытается рассказать небылицы, которые она выслушивает со смехом.

Для того, чтобы разум стал нормой мироустройства, он должен был прежде стать мерой самосознания, а это связано с переходом от военных добродетелей к мирным, совершившимся в античном полисе, где «дикое» стала рациональной правовой идеей, подлежащей обсуждению (недаром «нус» как философское понятие появляется

впервые в Афинах у Анаксагора). Протагор, Горгий, Сократ открыли в качестве самозначущей проблематику разума, познания, этики, т.е. они обсуждали вопросы о возможности нравственного самопознания (что такое добродетель?). Они не собирались создавать новую картину мира или тем более его переделывать, они обращались непосредственно к человеку с вопросом: что собой представляет тот или иной вид знания, та или иная добродетель? Но на одни и те же вопросы софисты и Сократ отвечают по-разному¹⁴. Тогдашние Афины – крупнейший культурный центр Древней Греции. Именно Афины возглавили антиперсидскую коалицию и, объединив союзников, добились убедительной победы над персами, что способствовало дальнейшему расцвету демократического строя, утвердившегося в Афинах. Особое значение приобретают народное собрание, народный суд, обсуждение всех государственных вопросов и демократическое их решение.

В этих условиях огромную роль играет политическая подготовка граждан, обучение политической добродетели, политическому искусству – «техне». Софисты и Сократ встречаются в одном социально-политическом и духовном пространстве античного полиса – рационального самосознания и обретаемой на этих путях свободы, но представляют собой два его различных полюса, отстаивая противоположные точки зрения на проблему творчества (креативности) и гражданской добродетели. Сократ риторику рассматривает как «поварское искусство для души», что не способствует пробуждению в душе истинного знания. Сократ не устает спрашивать, будет ли человек, обучившийся риторике, знать, что же такое справедливость, о которой он говорит, благочестие, мужество и т.д. ? Может, он и сам этого не знает и других повергает в пучину незнания? Античность в этом смысле – не историческая ступень, а способ креативного существования. Сократ – мир, в котором мы живем, науки и познания, истины и добродетели, прекрасного и безобразного, добра и зла. Мы все еще жи-

¹⁴ Кессиди Ф. Х. Сократ. - СПб.: «Алетейя», 2001.

Геннадий Владимирович ДРАЧ/ Gennady DRACH

| Социальная креативность культуры / Social creativity of culture |

вем этим миром, обязаны ему и в минуты его прославления и триумфа, и в минуты скепсиса и торжества циничного разума. Наследником античного разума выступило Просвещение. Ценности Просвещения – разум и личная свобода, требующая разрушения религиозных традиций и всяких словесных ограничений. Просвещение – это огромный социальный проект и претензия социокультурных преобразований на основе принципов разума и социальной справедливости. На протяжении трех последних столетий идеи Просвещения доминировали в европейском социально-правовом и философском мировоззрении. К нему редуцируются самые авторитетные учения классического периода, да и современные обсуждения, апеллируют к нему, хотя теперь эти обсуждения проводятся с приставкой «пост».

И между тем, разочарования в разуме и науке свидетельствуют о крушении грандиозного проекта социального мироустройства на основах разума. Просвещение, видимо, хранило в себе огромный разрушительный потенциал. XIX век принес первые прозрения: иррациональное в человеке неистребимо (Ницше об аполлоновском и дионисийском начале). Рациональное у Гегеля оказалось дополняемым иррациональным. Но тот же дуализм наблюдается у Ортеги-и-Гассета. Ключевые понятия – «разум» и «жизнь» сближаются, предполагают способность человека стать господином над обстоятельствами, способность осознать их и тем самым стать творцом культуры, поскольку только разум видит собственные границы и изменение жизненной установки, с которой уже не совместимы прежние жизненные ценности. История самосознания разума остается содержанием истории европейской культуры вообще, включая идею креативности как идею научного творчества. Наука не столько и не только объективная система познания, сколько соционормативный фактор нашей повседневной действительности, а потому рефлексивно-регулятивный и нравственный. В этом случае, развитие научного разума хотя и представляет собой автономный процесс, создание прикладной

науки и мира техники вызваны радикальными изменениями в сфере практического разума, потерей им прежних культурных значений.

Ценности традиционных культур, сохранившиеся в ряде современных стран, позволяют охарактеризовать их современное состояние как синтез традиционного и универсалистски научного. Но наука, в том ее понимании, которое принято нами (как поставщик технологий и основание индустриальной и постиндустриальной цивилизаций) – результат европейской истории. При таком подходе сохраняется возможность рассмотрения культуры в её многовариантном развитии, объяснимом как традиционными особенностями мировых культур, так и воздействием современного научно-технического (в первом и основном значении – цивилизационного) развития. За этим противопоставлением стоят вполне реальные процессы разрушения традиционной культуры в Европе и появления человека массы. Индустриальное производство, создавшее рынок труда и потребления, развивает потребности, создает массового человека и, концентрируя население в городах, отрывает их от привычной им традиционной культуры. Создается слой людей, который не успевает «окультуриться» и не соответствует сложной цивилизации.

Однако наука, демократия, творчество означают не формальное равенство, а готовность граждан на сознательное участие в жизни государства, на управление и познание. «Человек – масса», потерявший прежнюю, столь привычную и не замечаемую им само собой разумеющуюся культуру, новой, требующей постоянной рефлексии и огромной внутренней работы, не приобрел, из чего и вытекает угроза европейской цивилизации и либеральной идее как ее основному итогу и достижению. Разум, как одна из базовых категорий, без которых не может быть понята европейская креативность, как фундамент для позитивных социальных действий в преобразовании общества требовал и его сохранения как определённой социальной традиции. Античный либерализм, либерализм Сократа носил охранительный характер по отноше-

Геннадий Владимирович ДРАЧ/ Gennady DRACH

| Социальная креативность культуры / Social creativity of culture |

нию к свободе. Другая позиция, субъективно-разрушительная, наиболее чётко была представлена софистами. Итак, возникает дилемма: как совместить разум, свободу, креативность и социальную стабильность общества, либеральную экономику и государственное регулирование, интересы государства и интересы личной свободы? Видимо, во внимание надо принять реальные историко-культурные факты. Первый из них – это культурно-исторический опыт с одной стороны, Европы, Запада, а с другой стороны, других стран, включая и

Россию, сохранивших традиционную культуру. В каждом случае это опыт уникальный и неповторимый. Но в любом случае мы должны помнить, что разум, как способ социальной креативности, способ самосознания и обретения свободы (Сократ), не существует вне нравственных самоограничений (иначе грядёт необузданный Алкивиад, а может быть и что-нибудь пострашнее), преодоления дионисийского начала в человеке в пользу аполлоновского.

